

Научная статья

УДК 81.22

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-3>

© Елена Михайловна Иванова, 2021

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
emiva@yandex.ru

© Elena M. Ivanova, 2021

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
emiva@yandex.ru

Риторический модус дискурсивных практик современного русского национализма

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о риторическом модусе дискурсивных практик современного русского национализма как совокупности всех лингвопрагматических средств и способов реализации коммуникативной стратегии националистического текста, а также на конкретном материале (медиа текстах Егора Холмогорова) анализируется риторическая архитектура националистического текста.

Ключевые слова: национализм, русский национализм, националистический дискурс, националистический текст, риторический модус.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза»).

Rhetorical mode of discursive practices of modern Russian nationalism

Abstract. The article examines the rhetorical mode of discursive practices related to modern Russian nationalism as a set of all linguopragmatic methods and means of implementing the communicative strategy of a nationalist text; the author analyses the rhetorical architectonics of the nationalist text by the specific material (media texts by Egor Kholmogorov).

Keywords: nationalism, Russian nationalism, nationalist discourse, nationalist text, rhetorical mode.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR (Project No. 20-012-00111 “Russian nationalism in the linguistic and legal aspect: pragmatics, dynamics, expertise”).

Введение

Обращение к работам, посвященным различным аспектам исследования национализма¹, как на синхронном, так и на диахронном уровнях, свидетельствует о том, что на протяжении последних двух-трех десятилетий изучение данного феномена превратилось в одно из наиболее масштабных направлений гуманитарного знания (многих его подсистем): социологии, политологии, правоведения, истории, психологии, этнологии, лингвистики. Этот список можно продолжать и детализировать. Как точно заметил в своей статье «Национальная жажда формы» Т. Бреннан, все возрастающее число исследований о национализме отражает его неотъемлемое, почти атмосферное присутствие в нашем мышлении². Самым последним и актуальным подтверждением этого «атмосферного присутствия» стала языковая концептуализация темы пандемии COVID-19: значительное число коронавирусных неологизмов этно-ориентированы: так, в медийном дискурсе США китайский город Ухань был переименован в Corona Town, а сам вирус был сразу назван *chinese virus*³; в России также появились национально окрашенные шутки: «Обидно, когда привозишь *вирус* из Италии, а он все равно *сделан в Китае*»⁴; Уханька и т. п.).

Важнейший момент в теоретическом осмыслении феномена национализма – появление понятия *националистический дискурс / дискурс национализма*, прочно вошедшего в метаязык современного национализмоведения. По сути, эта дискурсивная формация является одной из основных форм конструирования коллективной идентичности. Известный американский социолог К. Калхун оценивает национализм в качестве главной дискурсивной формации современного мира, определяя его как риторику или дискурс, «который используется для установления того, что именно представляет собой этот народ»⁵ (ср., например, точку зрения В. А. Тишкова, который подчеркивает, что «национальная идентичность не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты»⁶). Следовательно, изучение национализма в его дискурсивном статусе требует постоянного обращения к риторическому арсеналу, используемому субъектами

¹ См., например: Калхун К. Национализм. – Москва: Территория будущего, 2006. – 288 с.; Марусенко М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – Москва: Научно-политическая книга, 2015. – 575 с.; Тишков В. А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11. – № 3 (37). – С. 21–41.

² Brennan T. The National Longing for Form // Nation and Narration: Post-Structuralism and The Culture of National Identity / edited by H. Bhabha. – London: Routledge, 1990. – P. 44–70.

³ Погорелова И. В. COVID-19: языковая репликация // Современный ученый. – 2020. – № 4. – С. 227.

⁴ Северская О. И. Ковидиоты на карантитулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 894.

⁵ Смирнов А. «Национализм» и публичная сфера. Послесловие переводчика // Калхун К. Национализм. – Москва: Территория будущего, 2006. – С. 267.

⁶ Тишков В. А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11. – № 3 (37). – С. 28.

националистического дискурса в более частных дискурсивных практиках. Данная статья является продолжением начатого ранее исследования публицистики Егора Холмогорова¹ – одного из самых последовательных и открытых представителей современного русского национализма – и посвящена рассмотрению риторического модуса его медиатекстов.

Основная часть

1. Коммуникативные стратегии и прагматический потенциал дискурса русского национализма

Националистический текст как единица националистического дискурса всегда отражает те или иные исторические этапы поиска национальной идентичности. В настоящий момент резкое обострение проблемы национальной идентичности во всем мире объясняется самой сутью эпохи постмодерна с ее экономической и политической глобализацией, с нарастанием мультикультурализма². В фокус внимания исследователей попадают тексты разных форматов, разной жанрово-стилевой природы, которые реализуют коммуникативные стратегии и тактики националистического дискурса³ и используют целый ряд специфических прагматических средств. Поскольку «каждая эпоха характеризуется преобладанием той или иной формы словесности»⁴, то большую часть эмпирического материала в изучении дискурса современного русского национализма составляют медиатексты, на сегодняшний день являющиеся «одной из самых распространенных форм бытования языка»⁵.

При рассмотрении лингвопрагматических параметров оппозиции «свой – чужой» мы отмечали, что современный этап существования националистического дискурса в России характеризуется резким увеличением числа источников исследования в соответствии с ростом количества и разнообразия самих дискурсивных практик рус-

¹ Иванова Е. М. Лингвопрагматические параметры оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в современном дискурсе русского национализма (на материале текстов Е. Холмогорова) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 5 (98). – С. 38–54.

² Марусенко М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – Москва: Научно-политическая книга, 2015. – С. 8.

³ См. об этом: Лукина А. В. Технологии производства и утверждения национальной идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / под редакцией В. С. Магуна. – Москва: Издательство Института социологии РАН, 2006. – С. 233–252; Глухов А. П., Турутина Е. С., Шевченко Н. Н. Российская телевизионная реклама: реконструкция национальной идентичности. – Томск: Издательство ТГПУ, 2008. – 280 с.; Глухов А. П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 5 (95). – С. 52–58 и др.

⁴ Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – Москва: Едиториал УРСС, 2005. – С. 7.

⁵ Там же.

ского национализма¹, целостная картина дискурсивного пространства которого в настоящее время может быть осмыслена через концептуальное содержание проектов национального строительства и национальной консолидации; в первую очередь данное содержание «формируется и задается в рамках внутриэлитного дискурса и лишь в дальнейшем транслируется на массовое сознание в адаптированном к широкой публике формате»². Однако как бы ни были разнообразны и многочисленны форматы националистического дискурса, все они в плане риторической организации текста (смысловая схема / топика, основные коммуникативные стратегии, система и характер аргументов, макро- и микрофигуративность и т. д.), как правило, в той или иной мере воспроизводят бинарный инвариант, исторически связанный с идеями западников и славянофилов. Западнический и почвеннический дискурсы на уровне макротопики текста регулярно проявляют три бинарные оппозиции: эксклюзивное vs инклюзивное положение России по отношению к Западу, «особый» vs «одинаковый» путь, «национальный» vs «универсальный» характер. Как замечает А. П. Глухов, «данный набор бинарных топиков-оппозиций задает всю архитектуру российского националистического дискурса, несмотря на все его внутреннее многообразие позиций и течений»³.

Масштабные научные проекты, направленные на исследование роли рекламного дискурса в конструировании национальной идентичности⁴ и на изучение когнитивной базы экстремистского текста в современном молодежном националистическом дискурсе⁵, позволили составить представление о «стратегическом наборе», который используется субъектами националистической коммуникации, и о проекции этих стратегий на другие виды дискурса. К группе основных относятся стратегии, направленные: 1) на создание образа врага; 2) на создание образа освободительных действий (одна из самых популярных метафор русского националистического текста – метафора осажденной крепости); 3) на создание оппозиции по национальному и религиозному признаку. Все перечисленные стратегии имеют редукционистский характер и достигают максимальной схематичности, обездушенности «чужого» за счет приемов поляризации и упрощения. В традициях почвеннического дискурса использовались следующие стратегии: 1) хорового единогласия с ослабленной логи-

¹ Иванова Е. М. Лингвопрагматические параметры оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в современном дискурсе русского национализма (на материале текстов Е. Холмогорова) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 5 (98). – С. 45.

² Глухов А. П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 5 (95). – С. 52–53.

³ Там же. – С. 54.

⁴ Речь идет о проекте «Формирование национальной идентичности: конкурирующие образы-проекты России в зеркале отечественной коммерческой и социальной телевизионной рекламы», реализованном в 2007–2008 гг. в Томском государственном педагогическом университете, и нацеленном на анализ роли телевизионной рекламы (прежде всего коммерческой) в конструировании национальной идентичности.

⁵ Проект «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность», реализованный в 2012–2014 гг. в Уральском государственном педагогическом университете.

ческой составляющей текста, но повышенным вниманием к «цветам красноречия», стилистике пророчества, этномифологическим сюжетам¹; 2) монологического единогласия с императивной стилистикой, особым риторическим модусом проповедничества. В западническом же дискурсе коммуникативно-стратегическим противовесом этому являются стратегии диалогического разногласия и согласия, отмеченные особой акратической стилистикой. Бесспорно, что все отмеченные выше стратегии реализуются в коммуникационных условиях убеждения, воздействия или внушения.

Прагматика националистического текста, формирующаяся в рамках рассмотренных коммуникативных стратегий, характеризуется целым рядом особенностей, глубоко и всесторонне изучаемых в работах С. А. Громыко на материале как исторических националистических, так и современных текстов. В статье «Русский националистический текст в прагматическом аспекте»² ученый обобщает итоги анализа более 300 националистических текстов, относящихся к разным этапам существования русского националистического дискурса, и представляет четыре интегративные прагматические особенности русского националистического текста:

1) национальный аргумент со своими наиболее частотными репрезентативными моделями (довод к нации-жертве, к национальной слабости, к истории, к авторитету)³;

2) исторический аргумент с определенным набором фактов отечественной и мировой истории (Смута, реформы Петра I, реформы Александра II и его убийство, Великая французская революция);

3) разветвленная и динамичная система интертекстуальности, обращенная как к истории, так и к современности, имеющая признаки и элитарности, и массовости, в зависимости от типа дискурса функционирования⁴;

4) сложный и конкретизированный образ врага, который может быть представлен и описан с помощью метода полевого структурирования.

Все прагматические особенности националистического текста характерны для институализированных и неинституализированных видов дискурса, их можно охарактеризовать как константы дискурса русского национализма, оказывающие помощь в борьбе с идентификационными сложностями при установлении «националистического» статуса текста(-ов) и / или идеологической позиции автора.

2. Риторический модус медиатекстов Егора Холмогорова

Характер коммуникативных стратегий и общие прагматические особенности националистического текста напрямую связаны с понятием *риторического модуса*

¹ Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований / под редакцией Е. И. Пивовара. – Москва: МГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 126.

² Громыко С. А. Русский националистический текст в прагматическом аспекте // Язык. Право. Общество: сборник статей VI Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 10–13 ноября 2020 г.) / под редакцией О. В. Барабаш, Н. А. Павловой, А. В. Александровой. – Пенза: Издательство ПГУ, 2020. – С. 346–349.

³ Там же. – С. 347.

⁴ Там же. – С. 348.

как совокупности всех лингвопрагматических способов и средств реализации коммуникативной стратегии автора, включающим (если экстраполировать на структуру риторического модуса смысловую организацию предложения) четыре основных аспекта: актуализационный, квалификативный, социальный и метааспект. Если вести речь о риторическом модусе дискурсивных практик современного русского национализма, то в первую очередь востребованы актуализационный и социальный аспекты.

Коммуникативным стратегиям редукционизма, которые активно реализуются в националистических текстах, свойственно использовать в качестве «несущей конструкции» текста оппозицию «свой – чужой». В предыдущей работе, посвященной лингвопрагматическим параметрам данной оппозиции в современном русском националистическом дискурсе, мы отмечали, что в текстах Егора Холмогорова – одного из самых последовательных идеологов русского национализма – уже на заголовочном уровне текста в трети от общего числа проанализированных материалов (39 из 121) определяется первоочередная значимость и многозадачность оппозиции «свой – чужой». Читательское восприятие максимально концентрируется автором на полюсе «своего», образует вокруг него рамочное пространство из однородных идей, смыслов, позиций¹. При этом семантическое наполнение данной оппозиции в медиатекстах Е. Холмогорова имеет динамический характер, оно вариативно и потому усложняет для читателей процессы ориентации и идентификации. На личной странице Е. Холмогорова в Фейсбуке под фотографией автора расположено последнее четверостишие из стихотворения Н. С. Гумилева «Наступление» (1914): «И так сладко рядить Победу / Словно девушку, в жемчуга, / Проходя по дымному следу / Отступающего врага». Выбор этого гумилевского текста (в частности, заключительного четверостишия) принципиален в установлении конструктивной роли оппозиции «свой – чужой» во всем текстовом пространстве научной и публицистической деятельности Е. Холмогорова, а также в исследовании макротопики авторских материалов и соотнесении ее в аспекте традиционности – инновационности со славянофильским и западническим дискурсами.

Антитетичный смысловой каркас ярко проявляется в тексте «О прекрасной Бриташке и странной Рашке» (блог Е. Холмогорова, 24.12.2015). Уже в заголовке уничижительное название России (ср.: название сериала на телеканале ТНТ «Наша Russia», название сезона Comedy Club «РАША ВИНОВАША») получает зеркальное стилистическое отражение в названии Британии; авторское атрибутирование «Рашки» как «ужасной», а «Бриташки» как «прекрасной» задействует механизм иронического кодирования, обеспечивающий устойчивость всей архитектонике текста. Например, локус «Бриташки» осмысливается автором так: *У Черчилля в «Мировом кризисе» есть поразительная фотография. Зал заседаний на Даунинг-стрит, 10 во время Первой мировой войны. Смотришь и представляешь себе, как в этой небольшой комнате собирались изысканные и остроумные джентльмены, смолили*

¹ Иванова Е. М. Лингвопрагматические параметры оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в современном дискурсе русского национализма (на материале текстов Е. Холмогорова) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 5 (98). – С. 49.

трубки и сигары, обсуждали планы и вырабатывали решения для всего мира. Эти решения разносил в самые дальние уголки планеты удавоподобный кабель телеграфа, и по приказу из этой комнаты двигались линкоры, свергались правительства, рушились империи, смуглые маленькие солдаты плыли воевать за далекий Эльзас для французов, за неприкосновенность британской гегемонии. Империя была всюду – от Ньюфаундленда до Новой Зеландии, но сжималась до одной комнаты. Комната на Даунинг-стрит, 10 масштабируется Е. Холмогоровым до мирового пространства. Локус подвижен и субъективирован: в этой небольшой комнате собирались изысканные и остроумные джентльмены, smoked трубки и сигары, обсуждали планы и вырабатывали решения для всего мира. Актуализационный и социальный аспекты риторического модуса анализируемого текста эксплицируются автором: *Невольно проникаешься восторгом и умилением от того, как красива такая система, как она проста и изысканна. Настоящий политический шедевр.* Далее в полной мере себя проявляет топ «сопоставление»: *Сравниваешь с тем, какими чудовищными гоблинами и какими варварскими методами управлялась и управляется наша Россияшка, и становится стыдно.* Оценка «стыдно» – элемент авторской игры, усиление иронической тональности. Локус и характер «Россияшки» представлены в оценочном конгломерате «чужого» и «своего» взглядов (чудовищные гоблины, оркообразные человечки¹, дрян-Россияшка и т. п. / куда-то пошла, побежала, поймала в горящей избе коня, вскочила, понеслась, и вот уже несется паровой каток; нечто грандиозное, небывалое, а главное – прочное; строится империя прочная и великая, живущая в длительной временной протяженности, почти геологическая по своим характеристикам). В качестве центральной части риторического каркаса выступают метафора Если Англия – это дом, то Россия – это тектоническая плита, а также расширенная результирующая метафора архитектуры и геологии, архитектуры vs геологии: *Жители геологии очень завидуют жителям архитектуры. Жизнь в архитектуре бесконечно изящней; Вот этот поиск человеческой жизни на геологической плите и заставляет нас подниматься после каждого падения и двигать дальше.*

Метафорический сценарий предполагает разрушение архитектуры как более временного образования и медленное, «по сантиметру», движение плиты «в сторону Канады». Субстантивные контекстуальные антонимические пары «комната – мир»; «джентльмены – гоблины / орки»; «сигары, пудинг – квашеная капуста, соленые огурцы»; «дом – плита»; «архитектура – геология» во взаимодействии с глагольными цепочками (по приказу из этой комнаты двигались линкоры, свергались правительства, рушились империи, смуглые маленькие солдаты плыли воевать за далекий Эльзас; Потом думаешь, что дрян-Россияшка-то упала, ан нет, поднимется, отряхнулась, куда-то пошла, побежала, поймала в горящей избе коня, вскочила, понеслась, и вот уже несется паровой каток...) создают особую риторическую

¹ Ср. функционирующую в массмедийном дискурсе номинацию России как Мордора (легендарной территории из романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»). Судя по данным Национального корпуса русского языка, эта номинация «экспортирована» из украинского политического дискурса и активно используется оппозиционными российскими медиа.

организованность текста с использованием большого арсенала языковых и текстовых средств. Особого внимания заслуживают семантика каузативности и семантика активного действия, оформляющие содержание топов «Бриташка» (Британская империя) и «Рашка» соответственно.

Характер риторического модуса русского националистического дискурса напрямую связан и с метафорикой националистического текста. Согласно представлению современной когнитивной лингвистики, метафора – это основная ментальная операция, проявляющая аналоговый потенциал человеческого мышления; один из главных инструментов концептуализации мира¹. Метафорическая палитра текстов Е. Холмогорова складывается и из архетипической метафоры дома (*Есть в чем упрекнуть не только либералов, но и некоторых националистов. Они зачастую хотели бы возвести себя в положение «конструирующей» нации, а потому иногда отрицают историческое бытие русской нации, чтобы такая «мелочь», как тысячелетнее здание русской народности, государственности и веры, не мешало бы на площадке «нацибилдинга»*), объединяющей большое количество сценариев (строительная площадка, части дома, ремонтные работы и т. д.), и из характерной для почвеннического дискурса метафоры «русской почвы», и из метафоры «грамматического движения» (метафора транспозиции) от адъективности к субстантивности (*Русские: от прилагательного к существительному* в статье «Русские – это не прилагательное»; *В том, что у части русских граждан появились соответствующие настроения, виноваты и власть, десятилетия сводившая единство России к тому, чтобы «не обижать гордые народы», и многие русские националисты, которые вцепились в психологию меньшинства и начали ее культивировать, и медиа, с яростью отрицавшие само существование русских – все-то у нас чужое, все-то у нас некузвое, и даже русских как таковых нет, русский – это не существительное, а прилагательное*), и из морбиальной метафоры («культурная и психологическая анемия» европейцев, «международное извращение», «рецидив нацизма»), и из гео-метафоры (Россия – тектоническая плита) и т. д.

На наш взгляд, эффективным инструментом изучения смысловой модели националистического текста могут стать текстовые номинативные цепочки (как в пределах отдельного текста, так и кросс-текстовые). Анализ особенностей формирования, наполнения и семантики номинативных цепочек позволяет интегрировать прагматические константы националистического дискурса на новом уровне.

Выводы

Важнейший момент в теоретическом осмыслении феномена национализма – появление понятия *националистический дискурс / дискурс национализма*, которое прочно вошло в метаязык современного национализмоведения. Данная дискурсивная формация служит одной из основных форм конструирования коллективной идентичности. Националистический текст как единица националистического дискурса всегда отражает те или иные исторические этапы поиска национальной иден-

¹ Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006. – 215 с.

тичности. В настоящее время резкое обострение проблемы национальной идентичности во всем мире обуславливается самой сутью эпохи постмодерна с ее экономической и политической глобализацией, с нарастанием мультикультурализма. Ученые исследуют тексты разных форматов, разной жанрово-стилевой природы, которые реализуют коммуникативные стратегии и тактики националистического дискурса и используют множество специфических прагматических средств.

Как бы ни были разнообразны и многочисленны форматы националистического дискурса, все они в плане риторической организации текста воспроизводят бинарный инвариант, исторически связанный с идеями западников и славянофилов. «Стратегический набор», который используется субъектами националистической коммуникации, представлен стратегиями, направленными на создание образа врага, образа освободительных действий, оппозиции по национальному и религиозному признакам. Все перечисленные стратегии производны от макростратегии редукционизма, достигающей максимальной схематичности, обездушенности «чужого» за счет приемов поляризации и упрощения. В традициях почвеннического (1) и западнического (2) дискурсов отмечается использование стратегий хорового и монологического единогласия (1) и стратегий диалогического разногласия и согласия (2).

Прагматика националистического текста характеризуется наличием национального аргумента, исторического аргумента, а также разветвленной и динамичной системой интертекстуальности, сложным образом врага. Этот образ может быть представлен и описан с помощью метода полевого структурирования. Характер коммуникативных стратегий, общие прагматические особенности националистического текста напрямую связаны с понятием риторического модуса как совокупности всех лингвопрагматических способов и средств реализации коммуникативной стратегии автора.

Анализ риторического модуса медиатекстов Е. Холмогорова показывает принципиальную конструктивную роль оппозиции «свой – чужой» во всем текстовом пространстве научной и публицистической деятельности автора, в организации макротопики материалов, ее соотносительности в аспекте традиционности – инновационности со славянофильским и западническим дискурсами. Смысловым схемам медиатекстов Е. Холмогорова свойственна антитетичность, глубокая и яркая метафорика с использованием архетипических метафор дома и почвы, метафоры грамматической транспозиции, геометафоры, морбиальных метафор.

Список литературы

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006. – 215 с.

Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 242–245.

Глухов А. П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 5 (95). – С. 52–58.

Глухов А. П., Турутина Е. С., Шевченко Н. Н. Российская телевизионная реклама: реконструкция национальной идентичности. – Томск: Издательство ТГПУ, 2008. – 280 с.

Громыко С. А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной думе Российской империи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 56. – С. 23–33.

Громыко С. А. Русский националистический текст в прагматическом аспекте // Язык. Право. Общество: сборник статей VI Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 10–13 ноября 2020 г.) / под редакцией О. В. Барабаш, Н. А. Павловой, А. В. Александровой. – Пенза: Издательство ПГУ, 2020. – С. 346–349.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – Москва: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

Иванова Е. М. Лингвопрагматические параметры оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в современном дискурсе русского национализма (на материале текстов Е. Холмогорова) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 5 (98). – С. 38–54.

Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. – Москва: ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.

Калхун К. Национализм. – Москва: Территория будущего, 2006. – 288 с.

Ломагина А. В. Проблема националистического дискурса в современной социологической науке // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 3 (30). – С. 160–166.

Лукина А. В. Технологии производства и утверждения национальной идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / под редакцией В. С. Магуна. – Москва: Издательство Института социологии РАН, 2006. – С. 233–252.

Марусенко М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – Москва: Научно-политическая книга, 2015. – 575 с.

Погорелова И. В. COVID-19: языковая репликация // Современный ученый. – 2020. – № 4. – С. 226–229.

Северская О. И. Ковидиоты на карантинных: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 887–906.

Смирнов А. «Национализм» и публичная сфера. Послесловие переводчика // Калхун К. Национализм. – Москва: Территория будущего, 2006. – С. 263–283.

Тишков В. А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11. – № 3 (37). – С. 21–41.

Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики. Лингвистический обзор «своих» и «чужих». – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Москва; Волгоград: Перемена, 2000. – 367 с.

Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований / под редакцией Е. И. Пивовара. – Москва: МГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 118–147.

Brennan T. The National Longing for Form // Nation and Narration: Post-Structuralism and The Culture of National Identity / edited by H. Bhabha. – London: Routledge, 1990. – P. 44–70.

References

Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in the political interdiscourse]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2006. 215 p.

Voroshilova M. B. Kognitivnyi arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa [Cognitive arsenal and communicative strategies of modern nationalistic discourse]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics Journal], 2014, no. 3 (49), pp. 242–245.

Glukhov A. P. Kommunikativnye strategii rossiiskogo natsionalisticheskogo diskursa: otzrazhenie v mediinom prostranstve [Communicative strategy of Russian nationalist discourse: reflection in media space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2010, iss. 5 (95), pp. 52–58.

Glukhov A. P., Turutina E. S., Shevchenko N. N. Rossiiskaia televizionnaia reklama: rekonstruktsiia natsional'noi identichnosti [Russian television advertising: reconstruction of national identity]. Tomsk: Izdatel'stvo TGPU, 2008. 280 p.

Gromyko S. A. “Natsional'nyi argument” v russkoi parlamentskoi ritorike (na materiale diskussii v Gosudarstvennoi dume Rossiiskoi imperii) [Argument for nationality in the Russian parliamentary rhetoric (on the material of the discussions in the State Duma of the Russian Empire)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, no. 56, pp. 23–33.

Gromyko S. A. Russkii natsionalisticheskii tekst v pragmaticheskom aspekte [Russian nationalist text in a pragmatic aspect]. *Iazyk. Pravo. Obshchestvo: sbornik statei VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Penza, 10–13 noiabria 2020 g.)* [Language. Law. Society: a collection of papers of the VI International research and practice conference (Penza, November 10–13, 2020); ed. by O. V. Barabash, N. A. Pavlova, A. V. Aleksandrova]. Penza: Izdatel'stvo PGU, 2020, pp. 346–349.

Dobrosklonskaia T. G. Voprosy izucheniia mediatekstov (opyt issledovaniia sovremennoi angliiskoi mediarechi) [Issues of studying media texts (experience of the research into modern English media speech)]. Moscow: Editorial URSS, 2005. 288 p.

Ivanova E. M. Lingvopragmaticheskie parametry oppozitsii “SVOI – ChUZHOI” v sovremennom diskurse russkogo natsionalizma (na materiale tekstov E. Kholmogorova) [Linguopragmatic parameters of the own – alien opposition in the contemporary discourse of Russian nationalism (by the material of E. Kholmogorov's texts)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2020, no. 5 (98), pp. 38–54.

Issers O. S. *Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [Discursive practices of our time]. Moscow: LENAND, 2015. 272 p.

Kalkhun K. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow: Territoria budushchego, 2006. 288 p.

Lomagina A. V. Problema natsionalisticheskogo diskursa v sovremennoi sotsiologicheskoi nauke [The problem of nationalistic discourse in modern sociologic science]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2013, no. 3 (30), pp. 160–166.

Lukina A. V. Tekhnologii proizvodstva i utverzhdeniia natsional'noi identichnosti [Technologies of production and affirmation of national identity]. *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Civil, ethnic and religious identities in modern Russia; ed. by V. S. Magun]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN, 2006, pp. 233–252.

Marusenko M. A. *Iazyki i natsional'naia identichnost': sovremennye vyzovy natsional'nomu edinstvu i territorial'noi tselostnosti* [Languages and national identity: modern challenges to national unity and territorial integrity]. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2015. 575 p.

Pogorelova I. V. COVID-19: iazykovaia replikatsiia [COVID-19: linguistic replication]. *Sovremennyyi uchenyi* [Modern scientist], 2020, no. 4, pp. 226–229.

Severskaia O. I. Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyi slovar' kak diagnosticheskoe pole aktual'nykh diskursivnykh praktik [Covidioty on coronation: coronaviral lexicon as a diagnostic field for actual discursive practices]. *Kommunikativnye issledovaniia* [Communication studies], 2020, vol. 7, no. 4, pp. 887–906.

Smirnov A. “Natsionalizm” i publichnaia sfera. Posleslovie perevodchika [“Nationalism” and the public sphere. Translator's afterword]. *Kalkhun K. Natsionalizm* [Kalkhun K. Nationalism]. Moscow: Territoria budushchego, 2006, pp. 263–283.

Tishkov V. A. Chto est' Rossiia i rossiiskii narod [What is Russia and the Russian people]. *Pro et*

Contra [Pro et Contra], 2007, vol. 11, no. 3 (37), pp. 21–41.

Cherniavskaia V. E., Molodychenko E. N. *Istoriia v diskurse politiki: lingvisticheskii obraz “svoikh” i “chuzhikh”* [History in the discourse of politics: the linguistic image of “own” and “alien”]. Moscow: LENAND, 2014. 200 p.

Chudinov A. P. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 256 p.

Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow; Volgograd: Peremena, 2000. 367 p.

Shnirel'man V. Natsional'nye simvol'y, etnoistoricheskie mify i etnopolitika [National symbols, ethnohistoric myths and ethnopolitics]. *Teoreticheskie problemy istoricheskikh issledovanii* [Theoretical problems of historical research; ed. by E. I. Pivovarov]. Moscow: MGU, 1999, iss. 2, pp. 118–147.

Brennan T. The National Longing for Form. *Nation and Narration: Post-Structuralism and The Culture of National Identity*; ed. by H. Bhabha. London: Routledge, 1990, pp. 44–70.

Для цитирования: Иванова Е. М. Риторический модус дискурсивных практик современного русского национализма // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 4 (103). – С. 30–41. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-3>

For citation: Ivanova E. M. Rhetorical mode of discursive practices of modern Russian nationalism. *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 4 (103), pp. 30–41. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-3>

Сведения об авторах

Елена Михайловна Иванова /
Elena M. Ivanova

Кандидат филологических наук, доцент, emiva@yandex.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия) / Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, emiva@yandex.ru, Cherepovets State University (5, Lunacharsky pr., 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 18.05.2021; одобрена после рецензирования 15.06.2021; принята к публикации 25.06.2021.

The article was submitted 18.05.2021; Approved after reviewing 15.06.2021; Accepted for publication 25.06.2021.